

Названіе газеты

Мѣсто выхода

дата

Письма къ даль- нимъ.

I.

О красивыхъ мысляхъ.

Наиболѣе яркою особенностью моихъ дальнихъ къ которымъ я намѣренъ иногда писать письма, — является упадокъ красоты мысли и средствъ ея выраженія за послѣдніе годы.

Подумать можно, что во время общественной реакціи всю страну постигаетъ новое народное бѣдствіе — своего рода оспенная эпидемія, которая покрываетъ душу человѣка язвами и дѣлаетъ ее некрасивою

Музыка — глубочайшее изъ искусствъ. Оркестръ вагнеровскихъ оперъ говоритъ недосказанное, онъ раскрываетъ скрытую тайну. Талантливое пластическое вывѣленіе недосказаннаго въ музыкѣ, видимые смутные намеки скрытой невидимой тѣлесности — одно изъ прекраснѣйшихъ явленій видимаго міра.

О чемъ думаютъ мои дальніе, слушая 5-ую симфонію Бетховена? слышатъ ли они, какъ злой, неумолимый рокъ стучится въ дверь, при первыхъ звукахъ этой симфоніи? Какіе ряды соответствій вызываетъ у нихъ 6-ая симфонія Чайковскаго?

Или взять болѣе простое — «Moment musical» Шуберта. Видать ли они, слушая это маленькое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-прекрасное произведеніе Шуберта, домъ слѣпыхъ и поэта, сердце котораго горитъ въ вѣчномъ устремленіи къ солнцу, въ неисцѣлимой тоскѣ при каждомъ закатѣ, замерзаетъ при вѣчномъ свертываніи, подобно листьямъ мимозы, отъ грубыхъ реальныхъ прикосновеній, темнѣетъ въ ночныхъ срываніяхъ въ пропасти; сгораетъ въ неисцѣлимой тоскѣ на закатѣ и вновь загорается юной, безъ оглядки

на вчерашнее, радостью при новомъ восходѣ? Это минорная часть. Но для поэта есть высшая радость, радость угадыванія при безволии. Шубертъ передаетъ ее въ мажорѣ. Творческій экстазъ. Растетъ душа, земная тѣлесность переходитъ въ духовную, поднятыя руки прикасаются въ священномъ трепетѣ къ звѣздамъ, переживанія зацвѣтаютъ образами...

Это, читатель, я видѣлъ, слушая музыку въ пластической передачѣ божественной Айседоры Дунканъ. Она — скрытая, смутная, внутреннія переживанія, или точнѣе шорохи переживаній, поэтовъ — индивидуалистовъ Шопена, Чайковскаго, Глюка, Шуберта, заключенныя въ міръ звуковъ, недоступный зрительнымъ воспріятіямъ, претворяетъ въ міръ видимый и будитъ въ насъ влеченіе къ безконечному. Пробуждая безконечно-тонкіе и сложные ряды соответствій между создаваемымъ ею міромъ видимыхъ явленій и внутренними, смутными, съ мистическимъ подъемомъ, переживаніями въ душѣ зрителя, она скрытые образы претворяетъ въ символы, въ значки реальности; въ смутныхъ намекахъ выявляетъ сокрытую глубину.

Танецъ Айседоры Дунканъ рождаетъ поэтовъ. Иногда ея нѣтъ на сценѣ. Это она толкаетъ наше воображеніе къ творческой работѣ выявленія глубины произведенія путемъ представленія возможныхъ пластическихъ формъ скрытыхъ въ музыкальномъ произведеніи идей.

А между тѣмъ публика въ партерѣ протестуетъ, что видитъ пустую сцену! Не бываетъ красивыхъ мыслей у моихъ дальнихъ при воспріятіи прекраснаго! Сцена не пустая, когда Айседора Дунканъ скрылась въ складкахъ сѣраго сукна, натянутаго вмѣсто декораций: она оставила вмѣсто себя тайну съ ея молчаніемъ, которое часто бываетъ глубже и краснорѣчивѣе словъ, представшихъ быть равносильными содержанію нашего его.

Внесеніе реализма въ оперу; слабый, сравнительно съ нею, успѣхъ симфоническихъ концертовъ; неповиманіе творчества Айседоры Дунканъ, искусство которой отежествляютъ съ балетомъ, и отсутствіе «условнаго» театра послѣ смерти В. О. Коммиссаржевской — все это говоритъ о паденіи красоты мысли у моихъ дальнихъ.

Но есть и другіе признаки этого паденія, на которыхъ я считаю необходимымъ остановиться.

Представители печати отмѣчаютъ одинъ очень интересный фактъ — современная публика не читаетъ стиховъ.

Еще древній Платонъ въ своей «Республикѣ» (кн. II) писалъ, что «музыкальное воспитаніе есть наиболѣе существенное, ибо оно заставляетъ Ритмъ и Гармонію проникать самымъ интимнымъ образомъ въ душу, съ силой завладевая ею, наполняя ее красотой и дѣлая человѣка красиво-мыслящимъ: онъ начинаетъ хвалить и восхищаться красивымъ, принимаетъ въ свою душу красивое съ радостью, питается имъ и уподобляетъ ему свое сущеево».

Извѣстно, что у Афинянъ музыка ввѣчала въ себя не только гармонію такта и лада, но и поетическій способъ выраженія, чувство и творчество; изученіе музыки у нихъ было воспитаніемъ вкуса, воспитаніемъ того, что распознаетъ прекрасное.

Конечно, наши современные стихи, печатаемая ежедневно въ газетахъ и журналахъ, и не заслуживаютъ того, чтобы ими питать душу для постепеннаго, совмѣстно съ другими средствами, преобразенія ея въ поэму, какъ далекой конечной цѣли музыкальнаго воспитанія; и на родителяхъ и педагогахъ лежитъ трудная задача подбора поетическихъ произведеній для питанія души и огражденія ихъ отъ опошленія.

Я пока не останавливаюсь на принципахъ такого подбора и на примѣрныхъ произведеніяхъ.

Я только констатирую, что отсутствіе интереса къ стихамъ служитъ признакомъ отсутствія красоты мысли. Нѣтъ постоянной творческой работы восхожденія отъ красоты образовъ къ красотѣ переживаній въ душѣ поэта; нѣтъ ритмической гимнастики для души; застываетъ воображеніе, и, вмѣсто души — поэмы, мой дальній имѣетъ душу-хронику, въ которой не только поетическихъ образовъ, а нѣтъ даже словъ: «по моему мнѣнію, вѣроятно» и т. д.

(Продолженіе будетъ).

А. Туфановъ.